

УДК 141.4

Елена Алексеевна Степанова

доктор философских наук, доцент,
главный научный сотрудник
Института философии и права
Уральского отделения Российской академии наук
г. Екатеринбург
(343) 251-96-25 el_stepanova@mail.ru

ФУНДАМЕНТАЛИЗМ И МАНИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ

В статье рассматривается фундаментализм как специфический вид культурного творчества и особая форма политизации культурных различий в различных цивилизациях, а также его влияние на личностную и социальную идентичность. Автор анализирует религиозный, социально-психологический и этический аспекты фундаментализма.

Фундаментализм, идентичность, мания идентичности, модерн, толерантность, традиция, цивилизационный стиль, культурные различия, диалог.

Обращение к цивилизационному единству как источнику самоидентификации – одна из важнейших глобальных тенденций общественного развития в конце XX – начале XXI в. Религиозный фактор играет здесь не последнюю роль. Его влияние на политику в форме фундаментализма – это тема, которая постоянно обсуждается как в научных дискуссиях, так и при выработке политических решений.

Понятие «фундаментализм» первоначально возникло в США и начиная с 1870-х гг. применялось для характеристики христианских групп, объединявших радикально настроенных представителей евангелических церквей. В определенной степени фундаментализм был реакцией на либеральное толкование Библии. Фундаменталисты почитали, что оно бросило вызов первоизданной правде о сверхъестественных и чудесных эпизодах библейской истории и статусу Священного писания как источника прямого и безусловного Божьего откровения. Фундаменталисты особенно прославились своим протестом против преподавания в американских государственных школах эволюционной теории Дарвина (кульминацией этого протеста стал знаменитый «Обезьяний процесс» 1925 г. в штате Теннесси).

В 70-х гг. XX в. после исламской революции в Иране это понятие стало широко применяться для характеристики некоторых тенденций в исламе, а также разных направлений в христианстве, иудаизме и буддизме и в новых религиозных движениях. Сегодня термин

«фундаментализм» используется для обозначения целого комплекса феноменов политического, религиозного и мировоззренческого порядка, выражающих протест традиционной культуры против модернизации. В качестве фундаменталистских часто определяются и чисто секулярные явления, например право- и левоэкстремистские, экологические, феминистские, альтернативные социальные движения, а также различные направления в политическом мышлении. При всем разнообразии фундаменталистских движений, связанном с различиями в онтологических представлениях, в значимости политического аспекта и в историческом опыте разных стран и народов, между отдельными его направлениями наблюдается большое сходство. В то же время в современной научной литературе нет единства в суждениях по поводу того, как следует определять фундаментализм и каковы его основные характеристики [см. напр.: 17].

Как специфическому виду культурного творчества фундаментализму свойствен определенный тип интерпретации явлений, производства знания и принятия решений, отличающийся догматизмом, нежеланием вступать в диалог и отсутствием критической самооценки. Однако нельзя недооценивать силу воздействия фундаментализма и его привлекательность для многих людей в силу содержащегося в нем страстного призыва к духовному пробуждению и возрождению. Религиозный (или квазирелигиозный) фундаментализм рождается из жажды «подлинной веры» и очищения падшего мира в контексте стремительной секуляризации культуры, ослабления влияния традиционных ценностей, падения интереса к религиозной жизни и девальвации нравственного сознания. В то же время фундаментализм в современном мире – это не просто тип мировоззрения, но и реальный политический фактор, влияющий на формирование конкретных социально-политических моделей развития общества. Как отмечает И.В. Кудряшова, отличительная черта современной разновидности фундаментализма – это «убежденность в примате политики, пусть и направляемой тотальным религиозным мировоззрением. Наивысшего развития фундаментализм достигает там, где присутствует вера в возможность реализации небесного в земном, то есть налицо сочетание посюсторонних и потусторонних концепций спасения (что резко усиливает их ориентацию на преобразование имеющихся социально-политических институтов)» [9, с. 67].

Каждая культура является основой создания и поддержания социальных групп, которые позволяют людям идентифицировать себя с другими и тем самым формировать чувство принадлежности к определенному сообществу. Все культуры воспроизводят чувство сообщества. Б. Андерсон определял нации как «воображаемые сообщества» [см.: 1, с. 30], то есть сообщества, основанные не столько на общении между людьми, сколько на ментальном образе, которое люди хранят в памяти. Люди нуждаются в идентификации с «вооб-

ражаемыми сообществами», потому что они постоянно стремятся создать жизнеспособную идентичность и не желают утратить смысл своего существования. Если они не достигают в этом успеха, то впадают в «манию идентичности» [25, р. 14]. Поскольку человек является социальным существом, он постоянно идентифицирует себя с теми или иными группами. Это позволяет ему чувствовать себя комфортно и таким образом укрепляет его идентичность. Ни в одной культуре нет таких специфических черт, которые делали бы ее интолерантной и склонной к насилию. Но культура в целом и каждая ее часть, став предметом мании идентичности, может приводить к интолерантности и насилию.

Термин «мания идентичности», введенный Томасом Мейером, – это ключевое понятие для понимания механизма политической инструментализации культуры и религии. Оно связано со «временем большой длительности» (термин Ф. Броделя), с некоторыми аспектами модерности и процессами, происходящими на длительном пути перехода от идентичности, основанной на традиции, к идентичности, основанной на индивидуальности.

Согласно теории «столкновения цивилизаций», выдвинутой С. Хантингтоном в 90-е гг. XX в., XXI столетие будет временем мировой битвы между культурами, претендующими на доминирование. Другими словами, мир станет жертвой фундаментализма, который стремится стать ведущей силой во всех цивилизациях. Чем меньше цивилизации оказываются способными понимать друг друга и устанавливать взаимную коммуникацию, избегая при этом идеологических стереотипов, тем больше они вынуждены преувеличивать взаимные различия. Модель современного мира, согласно которой он приговорен к состоянию постоянного конфликта, являясь в своей сути неточной, тем не менее заставляет политиков вести себя так, как если бы эта модель верно отражала реальность. Это происходит в том числе и потому, что участники цивилизационных конфликтов часто ведут себя именно так, как предсказывает данная модель. Как отмечает Т. Мейер, «война идеологий теперь прокладывает дорогу войне цивилизаций. Она является такой холодной войной, которая, однако, может перерасти в горячую войну быстрее, чем это может себе представить мир, утративший свою путеводную нить» [25, р. 3].

К концу XX в. фундаментализм превратился в альтернативную формулу политизации культурных различий во всех цивилизациях. В то же время в нем проявляются те же противоречивые черты, что и в общем процессе модернизации, против которой выступает фундаментализм. С окончанием идеологического конфликта между Западом и Востоком различные культуры в большей степени, чем когда-либо ранее, стали проявлять себя в качестве основополагающих ценностей, форм жизни, коллективных представлений и ожиданий.

Они сами стали объектом целенаправленной эксплуатации в политических целях. Поскольку культурные образцы претендуют на всеобщее признание и воспринимаются многими людьми как способ избавления от жизненных проблем, культурное самосознание и вытекающее из него осознание культурных различий теперь занимает то место, на котором в XX в. находилась идеологическая конфронтация.

Между различными формами фундаментализма – протестантским в США, индуистским в Индии, евангелическим в Гватемале, иудаистским в Израиле, буддистским в Шри Ланке, исламским в Иране и Алжире, конфуцианским в Восточной Азии, римско-католическим в Европе и США, православным в России и Греции – существуют существенные различия в смысле сущности их учений, образа жизни людей, принадлежащих к соответствующим сообществам, формы и структуры социальных и политических целей, которые они преследуют. Эти различия проявляются во множестве традиций и идиом, которые укоренены в культурах.

Однако несмотря на различия между этими видами фундаментализма существуют общие черты, которые их объединяют, – стиль, отмеченный антагонистическим отношением к культурным различиям; стратегия, направленная на достижение превосходства; политизация своей собственной культуры, направленная против других культур как в рамках отдельного общества, так и за его пределами. В современном мире культурное самосознание становится средством политического воздействия на противников в борьбе за власть. В результате политизации культуры проблемы, которые могут и должны быть решены политическими методами, например безработица, массовая нищета, экономические неурядицы, социальная безответственность, привилегии власти, коррупция, неспособность к позитивному сотрудничеству и т.п., игнорируются или усугубляются. Неспособность признавать важность культурных различий не дает возможности решить все эти проблемы, а плохие социальные и экономические условия жизни людей интерпретируются как результат ослабления культурной идентичности или смешения разных культур. Политика культурной идентичности, которая отчуждает представителей других культур от их прав, становится важным средством укрепления позиций доминирующего культурного клана. Эти процессы характерны для многих стран мира независимо от их политического устройства.

Политизация культуры происходит как изнутри, так и извне. Внутренняя стратегия фундаментализма – это попытка убедить людей в том, что социальные проблемы могут быть успешно решены только в случае согласия с претензиями на исключительность и однозначность, высказываемыми харизматическими фундаменталистскими лидерами. Внешняя стратегия – это стратегия тех, кто, подобно Хангтуну, не будучи сами фундаменталистами, фактиче-

ски прокладывают дорогу фундаменталистским действиям. Они провозглашают лозунг, согласно которому все цивилизации по своей природе являются фундаменталистскими программами, вынуждающими участвовать в них даже их противников, если они не хотят потерять власть в предполагаемом столкновении цивилизаций. Таким образом политизация культуры заполняет вакуум, возникший в результате коллапса мировых идеологий XX в. Как в своем начальном, так и в конечном пункте этот процесс является гораздо более антигуманистическим, чем борьба прежних идеологий с их претензиями на власть. Политизация культуры привязывает человека к его культурным корням раз и навсегда, тогда как идеологии по крайней мере оставляли некоторую возможность изменения убеждений и образа действий.

Если социальная среда индивида предоставляет ему набор соревнующихся норм, ожиданий и интерпретаций, личная и социальная идентичность не может быть раз и навсегда данной и неизменной. Наоборот, она становится предметом личного выбора человека, который должен возобновляться вновь в каждой новой ситуации. [см., напр.: 23]. Идентичность не может выполнять свою функцию посредством искусственного конструирования социального образа и приписывания его членам социального сообщества. Наоборот, идентичность может быть эффективной только в том случае, если существует такой образ индивида, в котором он узнает себя. В то же время индивид, желающий быть признанным в своей среде, не может полностью соответствовать всем ее ожиданиям и требованиям.

Идентичность – это не обладание, а социальный процесс достижения баланса между конфликтующими ожиданиями. Человек, желающий остаться самим собой, никогда не примет полностью ту социальную идентичность, которую ему приписывают другие. Он не может отказаться от сопротивления такой социальной идентичности, которая противоречит его самосознанию, хотя бы только потому, что референтные группы и ситуации, вырабатывающие эту идентичность, сами подвержены быстрому изменению. Таким образом, процесс социального принятия индивидуальной и социальной идентичности требует способности противостоять противоречиям и неадекватным социальным требованиям и творчески развивать свою идентичность. Для того чтобы сопротивляться противоречивости окружающей среды, человек должен в первую очередь иметь четкое представление о самом себе. Это требует открытого мышления. Личностная идентификация должна предшествовать социальной.

Человек, способный к открытости, формирует такую личностную и социальную идентичность, которая дает ему возможность противостоять давлению извне, приспосабливаться к изменяющейся ситуации и не воспринимать противоречия социальной среды как угрозу и источник страха. Поиск идентичности превращается в ма-

нию идентичности только в тех случаях, когда идентичность воспринимается как одинаковая при любых социальных обстоятельствах, когда она может дистанцироваться от социальных ролей индивида, когда она опасается сложных ролей и идентичностей других людей и оказывается неспособной противостоять социальной амбивалентности. Мания идентичности стремится только к идентичности, одинаковой в любых жизненных контекстах и обстоятельствах. Идентичность превращается в манию, когда она больше не способна воспринимать нечто иное, отчужденное и двусмысленное и противостоять социальной среде, которая может бросить ей вызов, нервировать и задавать вопросы о ее претензиях [25, р. 17]. Идентичность, превратившаяся в манию, стремится подчинить себе человека и очистить социальную среду от всех культурных различий.

Фундаментализм как политическая идеология XX в. вербует сторонников на базе их общих этно-религиозных характеристик. Прагматически сочетая элементы поздней модерности с элементами из догматизированного багажа традиции пред-модерности, фундаментализм стремится атаковать основные структуры и последствия культуры эры модерности, используя при этом средства модерности, в первую очередь СМИ. По словам Э. Гидденса, «фундаментализм – это продукт современности, поскольку он не просто защищает традицию, но акцентирует, упрощает ее, подавая в средствах массовой информации. Фундаменталисты были первыми, кто использовал средства массовой информации для пропаганды своих идей. Именно христианские фундаменталисты в США впервые использовали телевидение как средство пропаганды того, во что они верили, а после них уже исламские фундаменталисты стали использовать Интернет и другие современные технологии для осуществления своих целей» [6]. Фундаментализм представляет себя в качестве политической идеологии, которая содержит религиозную (реже – светскую) идеологическую этику в качестве абсолютного политического ответа на кризис модерности. Кроме того, он стремится внедрить свою этику в сообщество и направить ее против альтернативных этик и политических институтов современных обществ. Фундаментализм претендует на единственно верное объяснение причин кризиса и на показ путей выхода из него.

Некоторые исследователи считают, что фундаментализм является в первую очередь религиозным явлением, характеризующим религию Откровения [см., напр. 14, с. 7]. Рассмотрим более подробно некоторые формы религиозного фундаментализма. Общеизвестно, что религия является важнейшим фактором, определяющим политическую, национальную и культурную идентичность США. В американском протестантизме исторически сложились три основных направления: фундаментализм, либерализм и евангелизм. Фундаменталисты полагают, что необходимо сохранять верность осно-

вам протестантской веры, прежде всего признанию достоверности библейского текста. При этом некоторые стремятся к сепаратизму и отстранению от реального политического и культурного процесса, тогда как другие полагают, что следует оказывать как можно большее воздействие на жизнь за пределами церкви. В целом фундаменталисты пессимистично оценивают перспективы светского миропорядка и возможность усовершенствовать мир и считают раскол между верующими и неверующими непреодолимым. Американский фундаментализм является в значительной степени антиинтеллектуальным и эмоциональным движением, которое, однако, отличается значительным упорством в выработке последовательного и всестороннего мировоззрения и в его систематическом приложении к миру. Скептически оценивая социальные реформы в США, фундаменталисты относятся к процессу глобализации и международным институтам с неприкрытой враждебностью. Также они привержены апокалиптическому видению конца света: «Толкуя Библию буквально, они верят, что мрачные пророчества и в Ветхом Завете, и в Новом Завете, в особенности в Апокалипсисе, предрекают грандиозные ужасные события, которые поставят точку в человеческой истории» [10, с. 36]. Возможности фундаменталистов влиять на реальный политический процесс ограничены «угрюмым отдалением от проклятого мира и амбициозной попыткой построить новое пуританское сообщество» [10, с. 45].

Современный католический фундаментализм является реакцией на *aggiornamento* решений II Ватиканского Собора, которые послужили началом обновления римско-католической церкви. Одним из наиболее влиятельных представителей фундаментализма был архиепископ М. Лефевр, который считал, что в результате процесса либерализации, начатого собором, церковь утратила верность своим корням и традициям. Консервативные и фундаменталистские настроения традиционно особенно сильны в католической церкви в странах Латинской Америки. В определенной степени они были реакцией на «теологию освобождения», которая имела значительное влияние на ведущие христианские деноминации в этих странах в 70–80-е гг. XX в. В конце концов стратегия вмешательства церкви в процесс социальных реформ, которую предлагала «теология освобождения», потерпела поражение, и духовный вакуум был заполнен фундаменталистскими настроениями, которые на этот раз были экспортированы из Северной Америки евангелистическими миссиями. Существуют различные оценки степени влияния протестантского фундаментализма на политический процесс в Латинской Америке. Некоторые полагают, что он способствует укреплению диктаторских и военных режимов. Ф. Фукуяма, напротив, считает, что в целом он не противоречит западным демократическим ценностям: «Фундаментализм протестантов... поощряет деполитизацию своих

приверженцев, направляя их к решению вопросов благодати и внутреннего спасения. Многие левацкие (и некоторые католические) критики ошибочно принимают такой подход за поддержку военно-авторитарного статус-кво. Однако медленный, но неуклонный прогресс в области здравоохранения, образования, роста доходов и развития внутренних связей в общине, сопровождающий обращение в протестантизм, приводит к появлению сильного гражданского общества, а следовательно к созданию частного «политического пространства», необходимого для функционирования стабильной демократии» [13].

В иудаизме фундаменталистские и ультра-ортодоксальные настроения всегда имели большое влияние. Усилению иудаистского фундаментализма в современный период способствует давняя дискуссия о критериях причисления к национальному сообществу в Израиле, вопрос о сущности Израиля как государства и непрекращающийся конфликт, связанный с определением статуса Палестины. Догмат о богоизбранности народа Израиля и его праве на владение землей Палестины является основополагающим для идеологической и политической программы фундаментализма [см., напр.: 4].

Безусловно, активнее всего сегодня обсуждается проблема исламского фундаментализма. Со второй половины 70-х гг. XX в. началось масштабное проникновение фундаменталистских идей в политическую практику, нацеленное на восстановление ислама как основы национальной идентичности. Фундаменталисты исходят из убежденности в том, что мусульманский мир находится в состоянии упадка, причиной которого является отход от прямого пути ислама. Исламские политические активисты видят в исламе тотальный образ жизни, основанный на установлениях Корана, на жизни Мухаммеда и на природе первого мусульманского сообщества и исчерпывающим образом воплощенный в шариате как законе, явленном людям Богом. Они требуют возвращения к исламскому закону, созданию проекта государства и общества, которое направлялось бы исламом и зиждилось на социальной справедливости.

Большую роль в укреплении фундаменталистских тенденций в исламе играет процесс глобализации. Стремительное наступление на ислам и исламский образ жизни западных стандартов, потребительской идеологии и массовой культуры, ломка прежних социальных ролей, ограничителей, статусов, прав и обязанностей воспринимаются многими верующими мусульманами как духовная и социальная катастрофа. Все это приводит к стремительному расщеплению традиционного мусульманского общества, что неизбежно влечет за собой напряжение социальных отношений. В то же время исламский фундаментализм вовсе не обязательно равнозначен политическому радикализму и экстремизму и не является прямой причиной терроризма. «Фундаментализм (салафия), действительно, вы-

ступает основой исламизма, но лишь отчасти. Лозунг “аль-ислам хуа аль халь” (“Ислам – вот решение”) означает, что для “наведения порядка” в мусульманском мире, для искоренения социальной несправедливости, безнравственности и коррупции, для устранения “неправедных правителей”, равно как и для защиты от пагубного воздействия чуждых культурных и поведенческих моделей Запада, необходимо прежде всего очищение самого ислама от вредных наслоений, возвращение к незамутненным истокам этой религии» [11, с. 78]. Фундаменталистские тенденции наблюдаются также в индуизме и в конфуцианстве [подробный анализ многочисленных проявлений фундаментализма в современном мире см., напр.: 20].

Фундаменталистские настроения довольно быстро проявились в процессе возрождения православия в России в начале 90-х гг. XX в. Общее содержание церковно-политической программы православного фундаментализма – это антиэкуменизм, отвергающий все формы религиозного диалога, а также борьба с религиозным плюрализмом и принципом свободы совести. Она проявляется в попытках выстроить конфессиональную иерархию, основанную на юридическом неравноправии различных религий. Второе основание этой борьбы – критика либерализма и всех его проявлений, связанных с социально-политическим устройством общества: прав человека, демократии, правового государства, рыночной экономики и т.п. На этой почве развиваются острые формы антизападнических настроений. Третье, политическое, основание – государственничество или державность, тесно связанные с национально-патриотической риторикой, а также с идеей эсхатологического противостояния Святой Руси отпавшему от Бога и ведомому антихристом внешнему миру.

Определенные черты фундаментализма свойственны почти всему современному российскому православию, но не в одинаковой степени. В исследованиях выделяются три вида фундаментализма. Первый, умеренный фундаментализм, в целом принимает социально-политическое *status quo*, используя идею возврата к дореволюционным традициям не в буквальном смысле, а скорее в качестве полемического приема при обсуждении вполне современных коллизий. Второй вид, который можно назвать консервативно-охранительным, отвергает общество в его современном виде и предпочитает уход от него в православную мифологию и специфический «православный быт». Однако представители этой тенденции не отличаются практической активностью, они смирились с поражением, нанесенным традиции модернизацией, и ждут конца света, заботясь о спасении только своей души, но не общества в целом. Наконец, есть активные клирики и миряне, интерпретирующие в религиозном ключе любые социальные проблемы, не желающие смириться с модернизацией, но надеющиеся вернуть традиционному русскому пра-

вославию его господствующее место в обществе. Именно в этом виде фундаментализм проявляется наиболее явно [см.: 3]. Фундаменталистские тенденции характерны не только для российского православия, но и для православия в других регионах: на Украине, в Греции, в Болгарии, Сербии, Румынии и т.д.

«Фундаментализм, в отличие от традиционализма и консерватизма, ориентируется на собственную доктрину, на ее внутреннюю логичность, носящую тоталитарный характер. Религия должна преобразить сегодняшний мир в соответствии со своими принципами, проведенными последовательно и бескомпромиссно. При этом средством осуществления религиозной цели объявляются социальные инструменты – государство, армия, социальные службы, образование» [15]. Таков исламский фундаментализм, таков любой другой религиозный фундаментализм, каковых в XXI в. может возникнуть очень много. Фундаментализм вполне может быть революционен и поражает масштабами своих социальных проектов. Фундаменталистские лидеры склонны к модернизму, к переработке традиционного ортодоксального учения в близком себе духе. Поэтому появление в религиозных фундаменталистских концепциях революционных и «модернистских» элементов – дело вполне естественное.

В христианском (протестантском) фундаментализме присутствуют метафизические черты, которые в определенной степени свойственны также другим видам религиозного фундаментализма: во-первых, он связан с утверждением, что Священное Писание дословно инспирировано Богом, в нем нельзя изменить ни одного слова и детали содержания; его следует воспринимать буквально в качестве авторитетного основания истины. Во-вторых, фундаментализм придерживается апокалипсического представления о мире, согласно которому он представляет собой вечный космический конфликт между Богом и дьяволом, между силами добра и зла. Все сущее находится в прямой Божьей власти, а все земное – во власти зла. Добро является субстанциальным и абсолютным, и ему остается лишь воплотиться в бытии посредством божественной интервенции в мир. Фундаменталистское мировоззрение монистично, но чем строже этот монизм, тем радикальнее вытекает из него манихейский дуализм. Поле битвы этих сил – человеческая история и душа. В-третьих, фундаментализм утверждает, что человеческие сообщества, подобно сообществам трансцендентальных существ (ангелов) разделены на два лагеря, а именно, на праведников и грешников. Предназначение и судьба этих сообществ и их членов зависит от того, насколько они соответствуют Божьему закону. В-четвертых, фундаментализм утверждает, что существует способ, благодаря которому те, кто нарушил этот закон, могут избежать вечного Божьего осуждения. Это раскаяние в грехах и изменение поведения. В то же время личное следование этическим нормам обречено на неудачу,

поскольку только распятие и воскресение Христа способно спасти человека. В-пятых, фундаментализм предполагает, что в конечном счете Бог победит в космическом конфликте, который завершится тем, что грешники будут навечно приговорены к пребыванию в аду, а праведники вознесены на небеса.

Еще одна важная черта фундаментализма – присутствие в нем сильного мифологического элемента. Все событийные линии прошлой, настоящей и будущей истории здесь заранее мифологизированы, и требуется немного усилий, чтобы включить любой конкретный факт в эту линию. В фундаментализме легко увидеть иррационалистическую и антиинтеллектуалистскую установку, заведомо исключающую возможность рефлексии. «В этом, собственно, суть фундаментализма – оставлять основания веры нетронутыми для разума. Точно так же, как протестантский фундаментализм возникает вместе с появлением богословской критики Писания, православный возникает вместе с либеральным богословием. Богословски он способен развиваться только экстенсивно, не интенсивно. В своей аргументации – отыскивании противоречий основаниям, нарушений канона – он подобен позитивизму. Поэтому фундаментализм бесплоден в богословии и апологетике, зато очень легко мобилизуем для миссии, для “защиты веры”. Живя в сакрализованном мире, он, тем не менее, не мистичен и не созерцателен. Фундаменталист хочет быть не более чем “солдатом Церкви”. Он живет чувством долга и настроен на действие» [8].

Фундаментализм самым непосредственным образом влияет на познавательные способности человека. Он загоняет человека, впервые обратившегося к вере, в ловушку чувства вины. Адепт фундаментализма должен принять его ключевые учения, в которых, как ему говорят, он не может усомниться, в противном случае он будет считаться грешником. Верующий должен принять определенное мнение некритически и не имеет права использовать свой разум для того, чтобы его понять. Но самым трагическим качеством фундаментализма является его нежелание быть неправыми. Вместо того, чтобы стремиться к истине, фундаменталисты тратят все время на защиту своего учения, не желая искать иные пути к истине. Как писал Г. Честертон, «в том, что мы уверены в своей правоте, нет никакого фанатизма. Он возникает тогда, когда мы неспособны представить себе, что мы можем быть неправы» [26]. Все эти обстоятельства влияют друг на друга. Искаженное представление об истине не позволяет относиться к ней разумно; те, кто пытается быть разумными, подвергаются давлению; все интеллектуальные усилия направлены не на анализ учения, а на его утверждение. Фундаментализм удобен тем, кто стремится к удобной истине. Он заставляет людей отказаться от сомнений и отнимает у них возможность личной ответственности за свои убеждения.

Итак, фундаменталистский стиль цивилизации заключается в неспособности уважать культурные ценности мирным и открытым путем. Он воспринимает культуру как орудие достижения власти над другими людьми. Это общая черта «фундаменталистского импульса» [24, р. 817], который несмотря на глубокие формальные и содержательные различия возник в фундаменталистских идеологиях практически во всех мировых цивилизациях. Именно структура, а не культурное содержание, отличает фундаментализм от других цивилизационных стилей и делает различные его виды более близкими друг другу в их отношении к культурным различиям. Поэтому фундаментализм в теории и на практике является специфической формой культурной контрмодерности. Во всех своих проявлениях он направлен против принципа открытости, который представляет собой сердцевину культуры модерности и зависит от динамики модернизации в той или иной цивилизации.

Как политическая идеология и движение фундаментализм представляет собой попытку обратить процесс открытости и неопределенности вспять. Если модерности в целом свойственно испытывать уверенность только в своих основополагающих убеждениях, то фундаменталистские символы веры всегда стремятся включить свои взгляды, этику, стиль жизни и формы социальной организации в мировоззрение всех социальных групп, маргинализировать все, что не укладывается в фундаменталистскую схему. Будучи порождением модерности, фундаментализм стремится преодолеть неопределенность и открытость посредством того, что объявляет традицию священной и абсолютизирует в ней единственную альтернативу. Фундаментализм стремится внедрить закрытую систему мысли и действия, основанные на этом абсолюте. Такая система искусственно отрицает различия и сомнения и должна заменить собой открытость модерности. Фундаментализм претендует на обеспечение поддержки и безопасности, убежденности и надежности, твердой идентичности и «истины». Он распространяет эти убеждения одинаковым способом на всех людей и таким образом отнимает у них возможность любого будущего изменения. Он предлагает неуверенным в себе индивидам и сообществам точку опоры. В этом заключаются психологические и социальные предпосылки и мотивы того обстоятельства, что политическая инструментализация культурных различий обычно имеет большой успех.

Как уже отмечалось, фундаментализм по определению заявляет о возвращении к основам, к традиции в ее первозданном виде. Склонность к идеализации «золотого века» была свойственна религии и идеологии и раньше. Но в своем нынешнем виде фундаментализм есть именно порождение эпохи модерна. Как отмечает И. Кудряшова, «время становления фундаменталистских движений определяется темпами модернизации данной страны и/или региона: со-

ответственно, для США это – начало века, для Израиля – период после обретения государственности, для мусульманских стран – конец 1970-х гг.» [9, с. 70]. Современный фундаментализм – не просто поддержание какой-то ранее существовавшей традиции. Он представляет собой мировоззренческую конструкцию и политическую программу, сознательно противопоставленные современным процессам, но в то же время он является продуктом модернизации, реакцией на возрастающую секуляризацию общества. Именно модерн, разрушающий традицию, порождая культурный шок и изменяя этические основания общества, обуславливает возникновение фундаментализма. Антимодернистскому пафосу фундаментализма присущи вполне модернистские черты – попытка выработки тотального мировоззрения, особый интерес к политике, использование технологических и организационных ресурсов цивилизации. С. Хантингтон, анализируя исламский фундаментализм, подчеркивает, что его последователи отвергают западную культуру, а не модернизацию как таковую. Массовая база движения исламизма – представители городского среднего класса – торговцы, мелкие бизнесмены, врачи, юристы, учителя, государственные чиновники. Высока доля молодежи, получившей хорошее образование, а также мигрантов, переселившихся в города и испытывающих в связи с этим серьезные трудности [см.: 21, р. 112-113].

Рассматривая православный фундаментализм, К. Костюк отмечает, что в эпоху модерна возникает ситуация борьбы с традицией, и поэтому фундаментализм имеет серьезный политический вес. В культуре постмодерна ситуация иная: традиция уже преодолена, главенствует плюрализм и толерантность в культуре, что создает «системное место» для фундаментализма, заполняя которое, он лишь реализует проект постмодерна. «Это лишь еще один голос, еще одна субкультура, еще одна “языковая игра”. Вместе с тем, рассыпаясь в многообразии возможностей, постмодерн вызывает дефицит серьезности, вакуум духа. Заполняя этот вакуум отчаянностью своего жеста, фундаментализм придает постмодерну полноту, но именно в его игровых, “несерьезных” формах. Ведь фундаментализм постмодерна лишь профанирует голос традиции: он воскрешает ее в памяти, изгоняя из жизни. Традиция для него целиком виртуальна: он берет ее не из реальности, а из текстов, и обращает в тексты. Принимая на вооружение инструменты технической цивилизации для “пропаганды” своих идей, он на самом деле попадает в ловушку этой цивилизации: трансляция, а не содержание, форма, а не идея определяет его развитие» [8].

Безусловно, самым актуальным вопросом, обсуждаемым в связи с фундаментализмом, является вопрос о степени его вовлеченности в политические проблемы современности и о его способности оказывать влияние на политические решения. При этом о разных

вариантах фундаментализма высказываются разные, порой противоположные суждения. Так, характеризуя американский протестантский фундаментализм, Дж. Барр отмечает, что его представители глубоко убеждены в греховности американской нации, хотя одновременно они парадоксальным образом привержены идее о том, что Бог благоволит к Америке больше, чем к другим нациям. Для политического индифферентизма протестантского фундаментализма в США существуют глубокие основания: «Для фундаменталистских групп свойственно держаться в стороне от политических и социальных предпочтений. Но за практическими соображениями лежат более глубокие богословские убеждения. Благая весть эффективна только через личную веру, принятие и раскаяние, и по своей природе она может быть адресована только индивидам или, по крайней мере, может осуществиться только через индивидуальное решение. Ее можно проповедовать “миру”, но она не нацелена на массовое и коллективное влияние на мир» [18, р. 112]. Однако в последнее десятилетие отношение протестантского фундаментализма в США к участию в политике значительно изменилось. В целом протестантские фундаменталисты в США представляют собой весьма пеструю группу религиозных деятелей, политиков, идеологов и журналистов. Фундаментализм» является собой децентрализованное движение, отражающее сектантство религиозных общин. Здесь нет некоего координирующего центра, строгой дисциплины, системы соподчинения. Однако представители фундаментализма способны проявлять высокую политическую активность. Так, 40% голосовавших за Джорджа Буша-младшего идентифицировали себя как фундаменталисты-евангелисты. Среди белых евангелистов Буш получил 68% на национальных выборах в 2000 г. и 78% в 2004 г. [см.: 12].

Для мусульман религия неотделима от политики, от государства и других сфер человеческой жизни, поскольку в исламе нет разделения на светскую и духовную власть, как нет и церкви как особого института. Мусульманские правители, начиная с халифов, были воплощением одновременно и духовной, и светской власти, поэтому политическое влияние ислама есть совершенно естественное явление. Политизация ислама усилилась в последние десятилетия XX в. Наиболее активной в политическом отношении является агрессивная разновидность фундаментализма, более известная как «исламизм» или «исламский радикализм». В нем во главу угла ставится принцип «джихада» (усилий, которые мусульмане должны прилагать для защиты своей веры и неотступного следования заветам Пророка). Некоторые последователи исламского радикализма понимают джихад как необходимость борьбы с безбожным и материалистическим западным миром. Однако следует подчеркнуть, что

мусульмане никогда не объявляли войну христианству: во-первых, оно является «религией Книги», наряду с иудаизмом и самим исламом; во-вторых, корни ненависти исламистов к Западу носят не религиозный, а культурно-цивилизационный, социально-психологический и геополитический характер.

Важным является вопрос о том, насколько фундаментализм совместим с демократией и традиционными ценностями либерализма – правами человека, толерантностью, рыночной экономикой, гражданским обществом и т.п. Что касается исламизма, то он, по практически единодушному мнению, является открытым врагом всех вышеперечисленных западных устоев. Так, исследователь демократии на Ближнем Востоке М. Крамер писал, что исламские фундаменталисты неспособны совместить ислам с демократией: «Принципиальная позиция любого крупного фундаменталистского мыслителя, автора текстов, которые фундаменталисты читают повсюду от Касабланки до Кабула, похоже, заключается в том, что демократия не имеет отношения к исламу и что ислам стоит выше демократии. По мнению фундаменталистов, органический порок демократии – в том, что она основывается на суверенитете народа. Ислам признает суверенитет Бога, и его воля выражена в шариате... Ни один фундаменталист не согласится подчиниться воле избирателей, если эта воля оспаривает исламский закон. Как сказал наиболее откровенный из алжирских фундаменталистов, “за Бога не голосуют. Богу подчиняются”» [22, р. 24].

Отношение христианского фундаментализма к демократии не столь однозначно. Американские фундаменталисты, например, считают, что саму идею «американизма», неразрывно связанного с демократией, христиане должны воспринимать не критически [см., напр.: 18, р. 109-110].

Идеология и практика иудаистского фундаментализма неразрывно связана с фактом существования Израиля как государства, поэтому политические проблемы и средства их решения при посредстве представительской демократии занимают в нем главенствующее место.

Что касается православного фундаментализма, то он (в своем консервативно-охранительном варианте) идет по пути отстаивания идеи об особом пути России (в которой демократия также должна быть особой). В целом его политическая программа заключается в десекуляризации российского общества и в поиске «истинной» идентичности русского народа (подобные попытки Б.Г. Капустин удачно назвал «квазинаучной болтовней» [см.: 7]). В свою очередь, она является частью более широкой программы, в рамках которой мир представляется поделенным на религиозно определяемые «цивилизации» – западную (секулярную) и российскую. Так, выступая на встрече с активистами движения «Молодая гвардия» и студента-

ми МГТУ им. Баумана 12 ноября 2007 г. глава Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл сказал: «Мы выступаем за многополярный мир, под которым мы понимаем не только полюсы политической власти, как понимают многие политики, но сосуществование цивилизационных моделей» [5]. В соответствии с этим пониманием Россия является не частью Запада, а лидером «православной цивилизации», противостоящей Западу. Соответственно, внутреннее устройство страны должно перейти от либеральной модели к «традиционной». С 2004 г. Московская патриархия всерьез занялась адаптацией принципа прав человека к идее «православной цивилизации». Для этого понятие прав личности заменяется понятием прав, а точнее, интересов таких неопределенных общностей, как «православные», «атеисты», «мусульмане», «русские» и т.д. Следует отметить, что идеи «православной цивилизации» и особой русской идентичности пользуются заметной поддержкой в высших эшелонах российской государственной власти [см., напр.: 2].

Будучи неуязвимым и защищенным от сомнений, фундаментализм в своих наиболее агрессивных проявлениях служит легитимизацией интеллектуальных, религиозных и политических претензий на власть и превосходство над всеми, кто является другим. Закрытые системы веры и порядка представляют собой возврат к абсолютам в политике. Они претендуют на публичную роль, отрицают критику, альтернативы, сомнения и открытый диалог между равными партнерами. За этим обычно следует тотальное (в развитых демократических цивилизациях – частичное) неуважение к правам человека, плюрализму, толерантности, законности и принципам демократии во имя абсолютной истины, которой бескомпромиссно привержены фундаменталисты. Фундаментализм всегда является систематически искаженной формой коммуникации. Симметричная коммуникация и открытый диалог между равными партнерами предполагает, что ее участники в равной степени стремятся к ответственному диалогу, привнося в него разные убеждения, интересы, концепции, интерпретации традиций и их вариаций. Все стороны согласны, что ни одна из них не обладает объективным знанием. Фундаменталисты, напротив, считают, что они, обладающие таким знанием, могут принимать решения за других. В действительности такая позиция свидетельствует скорее о глубокой внутренней неуверенности фундаменталистов. По словам Э. Хоффера, «чем меньше у человека оснований говорить о своем собственном превосходстве, тем больше он готов утверждать, что превосходством обладает его страна, его религия, его раса или его “священное дело”» [16, с. 30].

Принципы диалога, прав человека и демократии совместимы с различными выражениями истины, которые находятся в сотруди-

честве. Однако они несовместимы с претензиями на исключительность, на которую претендует одна сторона. Политический фундаментализм всегда является догматизмом. Однако он есть и нечто большее, а его догматичность не случайна. Фундаментализм может превратиться в «тоталитаризм», но это происходит не всегда. Скорее, фундаментализм есть новый тип политической идеологии современной эпохи, который обретает силу в ситуации кризиса модерности. «Фундаментализм не находится в центре ни одной из мировых цивилизаций, но является определенным цивилизационным стилем, который интерпретирует конкретные традиции в каждой цивилизации как противоборствующие стили в рамках одной и той же цивилизации и воплощает это в определенной практике. Фундаментализм стремится создать определенный образ человека и социальной среды, и в этом смысле является современной манией идентичности, которая должна обесценить, поработить или исключить Другого из самого человека и из его жизненной среды для того, чтобы иметь уверенность в собственной идентичности» [25, р. 26].

Фундаменталистский импульс может возрастать в значительной степени тогда, когда непредвиденное социокультурное унижение сочетается с угрозой потери экономической безопасности. Культурно-экономический кризис такого рода является наиболее вероятной основой быстрого роста фундаменталистских движений. Наиболее известными примерами являются немецкий национал-социализм, родившийся в условиях культурного коллапса, разрыва с традицией и экономического кризиса; исламский фундаментализм в Иране, который возник на почве привнесенной извне модернизации, сопровождавшейся публичным унижением традиционно социокультурной идентичности; ситуация в Алжире в конце 1980-х гг., характеризовавшаяся драматическим ощущением потери надежды на будущее, коррупцией правящих классов и их неспособности реформировать общество. Усиление фундаментализма проявляется в формировании влиятельных организаций, появлении харизматических лидеров, использовании эффективных коммуникационных технологий и выдвижении популистских лозунгов, которые сочетают правдоподобное описание текущей политической ситуации с обещаниями скорого избавления от проблем. При этом фундаменталистские организации часто оказывают реальную помощь наиболее уязвимым группам населения. Кроме того, все эти примеры показывают, что фундаменталистские настроения, присутствующие в цивилизациях в латентной форме, выходят на поверхность именно в момент кризиса идентичности, который начал особенно проявляться в 70-х гг. XX в. в результате ускорения глобализационных процессов.

Мания идентичности, присутствующая в фундаментализме, является убежищем для всех тех, кто стремится обрести абсолютные основания в ситуации тяжелого жизненного кризиса. Такое стрем-

ление к убежищу может быть совершенно свободным от политических интересов, как это демонстрирует пример некоторых квази-религиозных сект. Но оно также может руководствоваться политическими мотивами, особенно у тех, кто в течение долгого времени был отчужден от политической власти в своей собственной стране, как это происходит с индуистскими фундаменталистами в Индии. Между этими двумя крайностями располагается широкий спектр фундаменталистских настроений – от простых психологических и социальных мотивов до серьезных политических интересов. Даже в таких странах как Алжир, Индия или Израиль, где представители фундаментализма являются глубоко политизированными, подлинные причины принятия фундаменталистской позиции имеют социально-культурные корни и диктуются стремлением сохранить идентичность и признанный социальный статус. Но когда возникают амбиции лидерства, движение получает политическое измерение.

Фундаменталистам, безусловно, свойственны определенные психологические и поведенческие особенности. Некоторые исследователи считают, что фундаментализм является преимущественно психологическим феноменом, и лишь во вторую очередь – религиозным. Конечно, фундаментализм можно найти в любой религии в мире. Однако его также можно идентифицировать в политических движениях, этических системах, научных перспективах, в любом типе профессии, которой владеют люди. Мы обычно размышляем о фундаментализме и ортодоксальности в терминах, применяемых к религиозному сознанию, но в равной степени их можно применить к моделям социальной организации и менеджменту, к научному методу и исследованиям, к политическому стилю и целям и к этическим конструкциям, разработанным для человеческой жизни. Фундаментализм является психопатологией, а ортодоксальность – его продуктом, в какой бы области или дисциплине они не проявлялись. Более того, поскольку эта психопатология и ее продукты всегда конструируют искаженную модель реальности, в терминах которой они определяют свое мировоззрение, фундаментализм неизбежно оказывается ересью, то есть источником нереального представления об истине в тех областях, в которых он возникает – в религии, науке, этике и т.п. Ортодоксальность, которая претендует на истинность только потому, что она догматически настаивает на том, что является единственной возможной формулировкой истины, тем самым всегда превращается в прямую противоположность того, что она утверждает [19, p. 120-121].

Анализируя феномен фундаментализма, психологи отмечают, что порождаемый им тип психики совмещает в себе шизоидную и навязчивую структуру личности. Шизоид не доверяет миру, сконцентрирован на себе и автономен, чужд саморефлексии и самокритики, но жаждет уверенности и безопасности. Навязчивая личность,

напротив, боится самостоятельности, она стремится освободиться от собственных желаний и потребностей, пытается полностью приспособиться к системе внешних ценностей, установлений и авторитетов. В то же время угроза своей безопасности, ощущение враждебного окружения порождает агрессию. Немецкий психолог Д. Функе, которого цитирует К. Костюк, пишет следующее: «В фундаментализме становится зримой вершина айсберга “тоски по безопасности”... В эпоху аффективной и когнитивной неопределенности, связанной с большой культурной ломкой, поощряется активизация архаических форм безопасности – в ущерб равновесной балансировке полюсов. В своей сути фундаменталистские теории нацеливаются на провозглашение некой конечной великой гармонии, в которой культура и природа, субъект и объект, человек и творение связаны неким всеобъемлющим единством. Не надежда на собственное развитие и возможности, а вера во встроенность во взаимосвязанный, беспроблемный космос помогают компенсировать потерю доверия в будущее» [8]. Фундаменталистское сообщество становится притягательным центром для психологически нестабильных людей, которые видят в нем возможность адаптации и находят множество «единомышленников». По словам Э. Хоффера, «люди, постоянно чувствующие себя не на месте, могут найти спасение только в полной отрешенности от себя, и такое спасение они находят в том, что растворяются, теряются в тесной коллективности массового движения. Отрекаясь от своей собственной веры, от собственного мнения и своих стремлений, отдавая все свои силы служению вечному делу, они наконец освобождаются от положения белки в колесе, которое обрекало их на вечную неудовлетворенность» [16, с. 63].

В результате фундаменталистская субкультура отказывается от диалога с внешней средой, переходит в режим противостояния и добровольно выключает себя из актуального культурного процесса. Разумеется, фундаментализм ни в коем случае нельзя сводить к психопатологической проблематике. Однако именно благодаря определенной заданной им социально-психологической реакции актуализируются рассмотренные выше метафизические предпосылки.

Фундаментализм уделяет особое внимание социально-этическим проблемам, активно выступая против явлений современной западной культуры, которые однозначно расцениваются как свидетельство морального падения общества: это проблема контроля над рождаемостью, эксперименты генной инженерии, эвтаназия, порнография, педофилия, химические зависимости и т.д. Особенно обостренно воспринимается проблема гомосексуализма. Он категорически отвергается не только исламскими фундаменталистами, но и служит причиной практического раскола во многих христианских деноминациях Европы, США и других регионов. Однако множество иных актуальных этических проблем – социально-институцио-

нальных отношений, общественного насилия, нарушения прав человека, смертной казни, коррупции, бедности и т.д. почти не затрагиваются или в лучшем случае рассматриваются в контексте первых.

Протестантские фундаменталисты твердо полагают, что доктринальные основы христианства — суть веры, а вовсе не некие этические правила. Они четко делят христиан на «спасенных» и тех, кто начинает свой путь к спасению. Умерший без приобщения к Христу — потерян для спасения. Они верят в то, что перед возвращением на Землю Бога наступит тысячелетнее царство мира. Для фундаменталистов-евангелистов секулярное обращение к этике является предательством Христова учения. Ввиду изначального греха человечество неспособно следовать моральным законам. Фундаменталистское христианство обращается к миру с посланием, смысл которого заключается в неверии в то, что человеческие попытки умилоустивить Бога соблюдением высоких этических стандартов способны привести к ожидаемому результату. Только вознесение Спасителя на крест освободит человека от его греховного опыта. Признавая греховную природу человека и принимая Божественную жертву, фундаменталисты-евангелисты верят во «второе рождение» заново наладившего свою связь с Богом человека. Таким «заново рожденным» фундаменталистом является президент Джордж Буш-младший [12].

Фундаменталистские лидеры показывают свое истинное лицо, когда возникает необходимость осуществить обещанное «спасение». Ни одно из известных фундаменталистских движений в мире не выработало убедительную и реализуемую социально-экономическую программу, которая могла бы разрешить кризис, используемый фундаменталистскими лидерами в своих целях. В действительности у них нет никаких шансов осуществить надежды на спасение, являющееся центром их метафизических построений. Будучи порождением кризиса, унижения и коррупции, фундаментализм может являться источником энергии протеста, но никогда не может быть действенной силой проведения социальных реформ. Это происходит потому, что фундаментализм не имеет концепции функционирования сложных социальных систем и, следовательно, не может дать адекватное решение социальных проблем. По словам Э. Хоффера, «уверенность истинноверующего в безошибочности собственной доктрины делает его недоступным для всего, что есть неясного, непредвиденного и неприятного в действительности окружающего мира» [16, с. 97]. В этом смысле фундаментализм как политическая программа действий всегда является ложной приманкой, даже если многие из его последователей, по крайней мере на некоторое время, удовлетворяют свою настоятельную потребность в идентичности. Фундаменталистские лидеры, как правило, цинично дезориентируют своих последователей, заявляя о том, что их интересы и мотивы

такие же, как у их последователей, тогда как на деле они существенно различаются.

Итак, фундаменталистская мания идентичности представляет собой политическую инструментализацию культурных различий. Приверженцы фундаментализма строят свою идентичность посредством объявления своего превосходства над другими. Хотя протестантские фундаменталисты в США живут в собственном параллельном обществе, они, тем не менее, постоянно вмешиваются в общественную жизнь, когда им кажется, что их интересы задеты. Все фундаменталистские лидеры без исключения стремятся использовать мобилизованную ими энергию «истинно верующих» людей для достижения или укрепления своей политической власти. Стремление к абсолютной идентичности и к поддерживающей ее политической власти подкрепляется трансформацией культурных различий в антагонизм. Учитывая тот факт, что ни фундаменталистские социальные ценности, ни религиозные учения сами по себе не содержат этого антагонизма (а такие религии, как индуизм и буддизм, полностью его исключают), можно сделать вывод, что фундаменталисты проявляют неразборчивость в средствах, когда им требуется обоснование для антагонизма. Как таковые, фундаменталистские ценности не являются основанием для вражды между цивилизациями. Но фундаменталисты опираются на культурные различия в качестве символических маркеров, которые затем могут быть использованы в прагматических целях. Символы и практики, священные места и события, история и традиции, которые сами по себе могут быть нейтральными для сосуществования людей, часто оказываются важными обоснованиями фундаменталистских построений. Однако если не навязывать фундаменталистские ценности в качестве абсолютных, они вполне могут сосуществовать с другими, а люди, их разделяющие, могут строить свою идентичность без противопоставления себя другим.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., Канон-пресс-Ц, 2001. 288 с.
2. *Верховский А.* Политическое православие в российской публичной политике. Подъем антисекулярного национализма. Подъем антисекулярного национализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://religion.sova-center.ru/publications/4D646C9/5774C69> (проверено 21.05.2008)
3. *Верховский А.* Православный фундаментализм остался в меньшинстве [Электронный ресурс]. Политический журнал, июль 2005. – Режим доступа: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=67&tek=3892&issue=112> (проверено 21.12.2007 г.).
4. *Волков А.Б.* Религиозный фундаментализм в Израиле и палестинская проблема. М.: Моск. обществ. науч. фонд; Ин-т востоковедения РАН, 1999. 160 с.

5. Выступление главы Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла на встрече с активистами движения «Молодая гвардия» и студентами МГТУ им. Баумана 12 ноября 2007 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.treli.ru/newstext.mhtml?Part=4&PubID=11477> (проверено 18.04.2008 г.).
6. Гидденс Э. Что завтра: фундаментализм или солидарность [Электронный ресурс]. Отечественные записки, 2003. № 1(10). – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=10&article=13> (проверено 12.01.2008 г.).
7. Капустин Б.Г. Законодательство истины или заметки о характерных чертах отечественного дискурса о нации и национализме. Логос, 2007. № 1(58). С. 113-137.
8. Костюк К. Православный фундаментализм [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.politstudies.ru/fulltext/2000/5/12.htm> (проверено 12.01.2008 г.).
9. Кудряшова И.В. Фундаментализм в пространстве современного мира. ПОЛИС, 2002. № 1. С. 66-77.
10. Мид У. Божья страна? // Россия в глобальной политике, 2006. № 5. Т. 4. С. 30-53.
11. Мирский Г.И. «Политический ислам» и западное общество. ПОЛИС, 2002. № 1. С. 78-85.
12. Уткин А. Чужой «дом на холме». Прогносис, 2006. № 4(8)б [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.intelros.ru/2007/08/09/chuzhojj_dom_na_kholme.html (проверено 6.02.2008 г.).
13. Фукуяма Ф. Будущее фундаментализма [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/article.asp?Num=40> (12.01.2008 г.).
14. Фундаментализм. М.: Изд-во «Крафт+», 2003. 264 с.
15. Холмогоров Е. Застенчивая иерократия [Электронный ресурс]. Отечественные записки, 2001. № 1. – Режим доступа: <http://www.strana-oz.ru/?numid=1&article=107> (проверено 24.03.2008 г.).
16. Хоффер Э. Истинноверующий. Мысли о природе массовых движений. Мн.: ЕГУ, 2001. 200 с.
17. Челищев В. И. Фундаментализм в современном мире: истоки, социальная природа и политическая сущность. Автореф. дисс. ... канд. полит. наук. М., 2006. 26 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.socio.msu.ru/documents/science/theses/D.501.001.05/th.2006-11-17-1.rtf> (проверено 24.03.2008 г.).
18. Barr J. Fundamentalism. London. SCM Press LTD, 1988. 376 p.
19. Ellens J.H. Fundamentalism, Orthodoxy and Violence // The Destructive Power of Religion: Violence in Judaism, Christianity, and Islam. In 4 v. Praeger, Westport, Connecticut, 2004. V. 4. P. 119-141.
20. Fundamentalism Observed, Martin E. Marty and R. Scott Appleby, eds. Chicago: University of Chicago Press, 1991. 457 p.
21. Huntington S. The Clash of Civilizations and the Rethinking of the World Order. N.-Y., 1997. 256 p.
22. Kramer M. Where Islam and Democracy Part Ways // Democracy in the Middle East: Defining the Challenge. Washington, 1993. 257 p.
23. Krappmann L. Soziologische Dimensionen der Identitat. 7th ed. Stuttgart, 1988. 237 s.
24. Marty M.E., Appleby R.S. Fundamentalisms Observed. Chicago, 1991. 921 p.

25. *Meyer T.* Identity Mania: Fundamentalism and the Politicization of Cultural Differences. London & N.-Y.: Zed Books, 2001. 125 p.

26. *Ward M.* The Catholic Church and Conversion by G.K. Chesterton, 1995 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dur.ac.uk> (проверено 4.03.2008 г.).

RESUME

Elena Alexeevna Stepanova, Doctor of philosophy, associate professor, principal researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of Russian Academy of Sciences. Ekaterinburg, (343)257-96-25, el_stepanova@mail.ru

Fundamentalism and Identity Mania

The article considers fundamentalism as particular method of cultural work and special form of political instrumentalization of cultural differences in various civilizations. The influence of fundamentalism over the process of personal and social identity is observed. The author analyzes religious, socio-psychological and ethical aspects of fundamentalism.

Fundamentalism, identity, identity mania, modernity, tolerance, tradition, civilization style, cultural differences, dialogue.

Материал поступил в редколлегию 25.03.2008 г.